

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РОМАНЕ ЛАО ШЭ «РАЗВОД»

Е. А. Лукьяненко

*студент (Белорусский государственный университет, Беларусь, Минск)
lueli500@gmail.com*

Статья посвящена анализу социальной действительности, а также образов китайских чиновников и их семьи в романе Лао Шэ (老舍) «Развод» (离婚) (1933 г.). На основе материалов оригинального и переводного текстов романа, а также с учетом автобиографии автора, представлена специфика воплощения национального характера китайской интеллигенции в период переломных социо-культурных событий 1920-1930-х гг.; выявлены способы выражения национальной специфики сквозь призму менталитета и мировоззрения протагонистов романа, а также рассмотрены основные проблемно-тематические аспекты произведения.

Ключевые слова: китайская литература; Лао Шэ; литература Нового Китая; национальный характер; «Развод»; социальная действительность.

NATIONAL SPECIFICITY OF SOCIAL ACTUALITY IN LAO SHE'S NOVEL «DIVORCE»

E. A. Lukyanenko

*student (Belarusian State University, Belarus, Minsk)
lueli500@gmail.com*

The article is devoted to the analysis of social reality, the main characters of which are Chinese officials and their families, using the example of Lao She's (老舍) novel «Divorce» (离婚) (1933). Based on the materials of the original and translated texts of the novel, as well as taking into account the author's autobiography, the specifics of the embodiment of the national character of the Chinese intelligentsia during the period of critical socio-cultural events of the 1920-1930s are presented; ways of expressing national specificity through the prism of the mentality and worldview of the protagonists of the novel are identified, and the main problematic and thematic aspects of the work are considered.

Key words: Chinese literature; Lao She; literature of New China; national character; «Divorce»; social reality.

Роман «Развод» («离婚») Лао Шэ (кит.: 老舍, род. в 1899 – 1966 гг.) был издан в 1933 году, в период, когда автор вернулся из-за границы, а именно из Лондона, где в 1924 – 1929 годах преподавал китайский язык. К тому времени в Китае произошли такие события, как «Движение за новую культуру» (кит.: 新文化

运动, сер. 1910 – 1920-ые гг.) и «Движение 4 мая» (кит.: 五四运动, май – июнь 1919 года), под предводительством интеллигенции, в особенности студентов, а также буржуазии и рабочих, выступавших против закоренелой конфуцианской традиции, иностранной интервенции, за преодоление феодальной отсталости. Лао Шэ разделял идеи данных движений и в будущем, благодаря своим произведениям, включая сатирический роман «Развод», автор преодолевал отсталые черты национального характера своих соотечественников, где традиционализм культуры можно рассматривать как одну из отрицательных концепций, которая противопоставляется прогрессу и развитию нации [3, с. 7].

Николай Трофимович Федоренко классифицирует роман «Развод» как произведение о судьбе «маленького человека» («小人»), которого А. Кириллов описывает как «человека, способного всей силой мечты подняться только до самого себя, – не только достойного сожаления и нелепого, но ещё и смешного» [1, с. 209]. Однако, следует отметить, что тематическое и проблемное поле произведения рассматривает более широкий круг вопросов: Лао Шэ не только изображает интеллектуала Лао Ли («老李»), в душе которого происходит конфликт восприятия желаемого и действительного, но и рассуждает над традиционным укладом китайской жизни через действия других героев, например, друга Лао Ли – Чжана Да-гэ («张大哥»), его семьи и остальных. В романе рассматриваются такие важные для китайской культуры понятия, как «брак» («结婚»), «развод» («离婚»), отношения, или связи, «гуаньси» («关系») при получении должностей, продвижение по службе и богатство («升官发财») и другие.

Следовательно, для выявления черт национальной специфики и понимания образной составляющей романа «Развод», следует провести сравнительный анализ двух основных семей романа: Ли и Чжан.

Лао Шэ начинает повествование со знакомства с главой семейства Чжан – Чжаном Да-гэ («张大哥»), который является олицетворением традиционных взглядов. Обращаясь к семантике имени героя, стоит отметить, что «大哥» дословно переводится как «старший брат», а переводчик Е. Рождественская адаптировала его как имя собственное, что только подчеркнуло иронию Лао Шэ: «Чжан Да-гэ – всем и каждому брат. Должно быть, и родной отец называл его братом, да и как называть его иначе?» [1, с. 5]. Далее читатель узнаёт, что главное занятие Чжана Да-гэ помимо службы – сватовство и борьба с разводами, более того для героя быть свахой («媒婆儿») – «священная миссия», поэтому Чжан Да-гэ восхваляет создание семьи («结婚») и порицает развод («离婚»). Брак, по мнению Чжана Да-гэ, показатель состоятельности, решение личных проблем, искусство, где «рождается любовь», главное – найти пару. В то время как развод – недопустимое явление, которое нужно предотвратить во что бы то ни стало: «Милые бранятся – только тешатся. Расквашенный нос, подбитый глаз – не велика беда, главное, чтобы не дошло до развода» [1, с. 6]. Свободный брак («未婚同居») герой также подвергает критике.

Чжан Да-гэ – коренной пекинец, который ко всем остальным городам относится с пренебрежением, при этом «столичный синдром» актуален для китайцев и по сей день. При проведении исследования мы обратили внимание на то, что Лао Шэ, как представитель «простого» народа и автор, который «владеет пером» байхуа («白话»), при этом выросший в Пекине, при описании жизни героя использует большое количество диалектизмов: представитель старшего поколения Чжан в речи использует такие выражения, как «蘑菇» (соотв. современному «гриб»), но в разговорной речи как «копаться, волынить, попусту тратить время» или «неудачный случай», «каша»), «敢情» («оказывается», «разумеется» чжан сам это часто использует), «吃劲» («волноваться, переживать»), а сына Чжана Да-гэ нередко называют «俊佬» (аналог «帅哥», или «красивый мужчина»). В произведении, при описании Да-гэ как примерного семьянина и достойного главы семьи, Лао Шэ посредством преувеличения представляет данное проявление через сатирическую окраску: *«Он настолько во всем разбирается, что слуги в его доме не задерживаются: не потому, что он несправедливый или черствый. Напротив. Слуги постоянно чувствуют, что им нужно делать что-то из ряда вон выходящее, чтобы быть достойными хозяина, например, прыгнуть в реку или затянуть петлю на шею»* [1, с. 13]. Также через действия Чжана Да-гэ Лао Шэ показывает читателю традиционное восприятие чиновничества, которое страдает от коррумпированности, а также связано с концепцией отношений-контактов («关系»): мужа одной из девушек, кого сосватал глава семейства, за убийство пациента забрала полиция. Несмотря на то, что профессию врача мужчина получил путём денег и связей, «сват» желает выволить доктора на свободу.

Далее Лао Шэ показывает читателю другого героя – Лао Ли («老李»), противопоставляя данный образ Чжану Да-гэ, описывая происхождение первого: *«Лао Ли родом из деревни. Впрочем, по мнению Чжан Да-гэ, любой человек, кроме пекинца, – родом из деревни. Тяньцзинь, Ханькоу, Шанхай, равно как Париж и Лондон, для Чжан Да-гэ – деревня. Одна известная ему гора – это Западная»* [1, с. 8]. Героев в контексте произведения объединяет только место работы: оба являются сотрудниками управления финансов, или, как описывается учреждение в оригинальном тексте, в «怪物衙门», где «怪物» – «монстр, сумасброд», а «衙门» – «военное и гражданское учреждение», то есть «контора сумасбродов».

В остальном – герои абсолютные антиподы, что проявляется как в отношении к традициям и устоям Поднебесной, семье, так и через мировоззрение, духовную составляющую, поведение и внешность. Например, с точки зрения физических данных Лао Ли заметно превосходил Чжана Да-гэ, то есть был более привлекательным, не говоря о «*длинном, но не очень, во всяком случае не таком, как ослиная морда или тыква, лице, которое сплющивалось во время смеха, как у старика, большом носе, крупных мочках ушей*» [1, с. 10]. Однако харизмой в отличие от Да-гэ был обделён, что даже окружающим Лао Ли казался странным

и нелепым: «Стройный, высокий, с большими глазами и густыми бровями; рот, правда, великоват, зато зубы ровные, белые. И все же Лао Ли не вызывал симпатии. Где бы он ни появлялся, людям становилось как-то не по себе. Он, видимо, сам это знал и потому еще больше терялся. Налиют ему чаю, он из вежливости поднимется, чтобы принять чашку, но тут же обольет того, кто подал чай, и себе руки ошпарит. Полезет за платком и при этом умудрится задеть чей-нибудь нос. После этого, не говоря ни слова, схватит шапку и убежит...» [1, с. 9]. Умение Чжана Да-гэ себя поставить в совокупности с навыками «опытной свахи» придавало ему авторитетность в глазах соотечественников: «Дела он вел аккуратно, причем самые каверзные доставались ему. Когда же речь шла о визитах к начальству, командировках, взятках, повышениях - о Лао Ли и не вспоминали...» [1, с. 9].

Разница в характере героев прослеживается и в предпочтении способов времяпрепровождения: Чжан Да-гэ нередко выбирает встречи за ужином в компании, а Лао Ли в свободное время читает, ходит в книжную лавку и иногда в кино. Если мы обратимся к работе Н.А. Спешнева «Китайцы: особенности национальной психологии», то убедимся, что «образ жизни китайцев в том, что они обожают веселье, всегда любят быть с людьми и не терпят одиночества. В то время как иностранцы предпочитают уединение и избегают толпы и вторжения в личное пространство» [2, с. 304]. В таком случае можем предположить, что глава семьи Чжан – традиционный образ китайца, в то время как Лао Ли из-за любви к чтению европейской литературы находится под «западным» влиянием.

Автор показывает нам начало взаимоотношения персонажей с момента, когда Чжан Да-гэ замечает, что Лао Ли подавлен, отчего делает вывод, что у того не ладится в семье, и приглашает в гости, ведь «деревенские чаще других затевают разводы» [1, с. 8]. Следовательно, следующий этап сравнительного анализа связан с семейной жизнью персонажей, а именно: с отношением к жене, детям, браку. Жена Чжана Да-гэ госпожа Чжан («张大嫂») – по-своему привлекательная женщина сорока девяти лет, «вторая рука» господина Чжана в решении брачных вопросов и «первая рука» в управлении домашним хозяйством, которой восхищался и сочувствовал Лао Ли. Используя образ госпожи Чжан, Лао Шэ сатирически раскрывает сущность господина Чжана: Да-гэ не тот, каким представляет себя перед другими. Перед читателем предстаёт новый Чжан Да-гэ с «собачьим» характером, для которого жена – прислуга, а дети не важнее клиентов: «Все думают, Да-гэ умный; ничего подобного. О дочери не заботится, да и о сыне тоже. С утра до вечера устраивает дела родственников и друзей, а я одна – и купить, и приготовить. Сын домой не ездит, дочь живет при школе – в общем, все на мне. В доме, разумеется, есть все - и поесть, и попить, и одеться, но никто не знает, что я живу хуже прислуги. С утра до ночи ни рукам, ни ногам нет покоя. С людьми он вон какой обходительный, а придет домой, всю злость на мне срывает» [1, с. 24-25]. Госпожа Чжан хоть и понимает

своё положение, однако не готова противостоять мужу: *«Госпожа Чжан вздохнула. – Кого винить в том, что мы родились женщинами? Так уж нам на роду написано. Все удовольствия – мужчинам, а нам – одни мучения! От судьбы не уйдешь! – Госпожа Чжан печально улыбнулась: пессимизм сменился покорностью»* [1, с. 25]. Через госпожу Чжан читатель также узнаёт о непринятии в китайском обществе так называемых «перезрелых» незамужних женщин. Дети семьи Чжан: дочь Сю-чжэнь («秀真») и сын Тянь-чжэнь («天真») живут самостоятельно, оба красивы, довольны собой, но если девушка обладает спокойным нравом, то юноша – бунтарь, *«боль сердца» Да-гэ* [1, с. 68]. Чжан Да-гэ, что свойственно мужчине традиционного уклада, видит в Тянь-чжэне продолжение рода Чжан, а дочь надеется выдать замуж в ближайшее время, так как из-за возраста и гендера Сю-чжэнь представлена как *«убыточный товар»* [1, с. 73]. Однако в обратную сторону традиционность и «почтительность к родителям» («孝») в семье Чжан не проявляется, что в очередной раз в форме насмешки над Чжаном Да-гэ показывает Лао Шэ: *«Тянь-чжэнь к матери относился безразлично, а к отцу – как к «старому буржую»* [1, с. 73].

Чжан Да-гэ, несмотря на всё вышеперечисленное, через внешнюю благопристойность представляет свою жену другим героям, почитает и уважает, ведь *«женщина – поэзия»* [1, с. 21]. Именно так глава семьи Чжан пытается убедить Лао Ли в том, чтобы отказаться от развода. Позже читатель сталкивается с откровением Лао Ли, где узнает отношение протагониста к браку: *«Удачный брак или неудачный – все равно он порождает тоску, так не лучше ли совсем от него отказаться?»* [1, с. 20].

Лао Ли – образ «маленького человека», страдающего от невозможности сочетать внутренний мир мечтаний с окружающей реальностью: протагонист желает вершить революцию, писать стихотворения, женщину-музу. Таким образом, смеем предположить, что развод для героя – это возможность построить новую жизнь в соответствии с высокими идеалами. И, к сожалению, под удар «героя-мечтателя» попадает его семья. Чжан Да-гэ уговаривает Лао Ли перевезти семью в Пекин под предлогом в виде «детей», ведь жена не является для героя приоритетом, более того, она ему неприятна, так как не соответствует его идеалу: *«Женщины, и замужние и не замужние, – в большинстве своем создания заурядные, пожалуй, более заурядные, чем мужчины. А мне хочется встретить, нет, хотя бы взглянуть на женщину, не забитую жизнью, поэтичную, умеющую красиво любить, искрящуюся весельем, как музыка, целомудренную, как ангел»* [1, с. 20-21]. Также Лао Шэ затрагивает актуальную для «Движения за новую культуру» проблему «бинтования ног» («缠足»): в романе «небольшие ножки» считаются изуродованными, и если Чжан Да-гэ снисходительно относится к недугу, то Лао Ли критикует данную традицию.

Чжан Да-гэ выступает в роли щедрого «спасителя» семейства, обустроивает для Лао Ли жильё, нанимает «помощницу» для жены Ли – госпожу Ма («马大嫂»), что сильно сказывается на дальнейшей судьбе семьи, так как Лао Ли в послед-

ствии в невестке «хозяйюшки» – младшей Ма («马小姐») увидит свой образ идеальной женщины. Единственные, кому рад Лао Ли в то время, – дети Лин и Ин. Однако дочь рассматривается также в потребительском ракурсе: внешняя красота Лин признается Лао Ли только после того, как более высокая по своему статусу госпожа Чжан желает стать приемной матерью девушки. Жена Лао Ли («李大嫂»), которая благодаря уважению и сочувствию жены Чжана Да-гэ к другим женщинам, особенно «деревенским», стала ухоженной, красивой, с манерами, вызывала ещё большее раздражение Лао Ли: для героя женщина – всего лишь мать его детей, которая *«умеет стряпать, умеет переносить лишения, при виде которой возникают мысли: либо нужно мириться с тем, что имеешь, либо упразднить браки»* [1, с. 94]. Из монолога героя мы делаем вывод, что такое отношение происходит ввиду того, что Лао Ли не знает точно собственных желаний: *«Чего же я хочу? – спрашивал себя Лао Ли. Но ответить не мог»* [1, с. 28].

Далее будет рассмотрен образ – Сяо Чжао («小赵»), который представляет собой более негативные черты, чем перечисленные выше персонажи. Сяо Чжао оказал влияние и на Чжана Да-гэ, и на Лао Ли. Внешний облик героя, который изобразил Лао Шэ посредством сатиры и метафор совершенно противоположен действиям персонажа: *он не был красив, его глаза похожи на жареные фасолины («眼珠像炒豆儿» [4])* [1, с. 158], но при этом он был хитёр и пользовался популярностью у противоположного пола: *«женщины всегда были ему доступны»* [1, с. 177]. Сяо Чжао убеждал остальных, что у него есть семья, при этом имел связи с женой начальника. С начала романа и под конец герой приносит Лао Ли и Чжану Да-гэ неприятности: унижает Ли посредством шуток в адрес жены и использует «драгоценность» в виде дочери Да-гэ, соблазняя девушку: *«а эта молода, зато насколько дешевле обходится – две бутылки лимонада и обед!»* [1, 158], дабы удовлетворить своё самолюбие, о чём Сяо Чжао сам нередко упоминает.

Так, читатель в середине романа узнаёт, что Тянь-чжэна забрала полиция, которая в романе также описывается как *«всесильная организация, которая ни перед кем не отвечает и может делать всё, что угодно»* [1, с. 130], обвинив его в связях с революционерами и коммунистами. В данной ситуации Лао Шэ снова сатирически изображает портрет отца семейства Чжан: Чжан Да-гэ горюет не по сыну, а по своему положению, ведь он был уважаемым человеком, но его сына заподозрили в такой постыдном преступлении, и *«если бы Тянь-чжэнь умер своей смертью, то Чжан Да-гэ погоревал – и всё»* [1, с. 130]. В это время на работе освободилось место, отчего внимание остальных героев, которым Чжан Да-гэ когда-то оказал услугу, было сконцентрировано на получении новой должности, а не на решении проблем друга, что вызывало у Лао Ли тоску и жалость, и, конечно, герой решил протянуть Да-гэ руку помощи. Вызволнение Тянь-чжэня из тюрьмы могло быть осуществлено, используя связи и расписку – всё зависело от Сяо Чжао, *человека без веры, убеждения, морали и принципов* [1, с. 176]. Абсурдность достигается в романе, когда Чжан Да-гэ был готов отдать за

Сю-чжэнь «негодяю» свой дом, но тот потребовал через униженного Лао Ли два дома и 250 юаней, на что герой согласился, причём заплатил из своего кармана. Тогда Лао Шэ использует аллюзию на «Фауста» Гётте: *«Он был даже рад что, как Фауст, продал душу дьяволу. «Ещё неизвестно, какую штуку он со мной выкинет»»* [1, с. 133].

Тем не менее, апогей жизни Сяо Чжао представлен как наказание за совершённые персонажем злодеяния. Несмотря на авторитетность и богатства, персонаж был убит Дином вторым («丁二爷») – единственным слугой, кого оставил Чжан Да-гэ, а его тело было найдено в реке. В то время происходили частые увольнения и смена властей: *«назначили нового мэра города, поэтому, убийство приписали чиновнику, объяснив тем, что Сяо Чжао хотел «сместить» начальника и занять высокий пост...»* [1, с. 198-199].

В заключительной части романа Лао Шэ снова противопоставляет два героя: Чжана Да-гэ и Лао Ли. Первый вернулся к прошлой жизни, ведь после реабилитации сына он будто «воскрес»: *«Чжан Да-гэ продолжил дела «свахы» и на службу, наслаждаясь званием «столичного» человека, словно до этого ничего не происходило»* [1, с. 193]. Лао Ли потерял надежду и решил уехать в деревню вместе женой, детьми и Дином вторым, ведь идеал женщины, о которой он мечтал, в лице младшей Ма («马小姐») был разрушен: девушка вернулась к мужу. Поступок Лао Ли А. Кирилов связал с увлечениями Лао Шэ теориями Л.Н. Толстого, а заключительный аккорд: *«в деревню, к земле поближе»* – дань этому увлечению [1, с. 215].

Таким образом, роман «Развод» Лао Шэ – произведение, связанное с событиями Китая 1920-1930-ых годов, в котором прослеживается мастерство автора в использовании юмора, сатиры, просторечий, локальных реалий, а также отражается национальная специфика социальной действительности тех лет.

В романе наиболее ярко представлены образы Чжана Да-гэ и Лао Ли, антиподов, неразрывно связанных между собой. *Чжан Да-гэ олицетворяет собой закоренелые традиции прошлого Китая*, где понятия «сватовства» и «брака» носят обязательный «ритуальный» характер, в тоже время демонстрирую лишь внешнее проявление благополучия семьи; концепции «связей», «карьеры», «чиновничьей службы», «зажиточного капитала» также демонстрируют материальные желания героя, где не всегда учитывается духовная составляющая, а понимание поддержки внешнего благопристойного вида является приоритетной. Так же стоит отметить, что при описании Чжана Да-гэ Лао Шэ представляет героя как объект сатиры.

Образ Лао Ли символизирует собой переходный этап китайской служивой интеллигенции 1930-х гг., которая мысленно стремится к внутренним преобразованиям, однако в силу собственного эгоизма и страха перед общественными изменениями, прибывает в состоянии стагнации: *«Его то и дело одолевали сомнения: он мечтал стать революционером, философом, но сделать хоть шаг по этому пути не хватило смелости, наконец, он решил остаться чиновником,*

честным главою семьи, но опять не был уверен, правильно ли поступает. В конце концов... О! Нет никакого конца, сплошные колебания...» [1, с. 28]. Несмотря на то, что Лао Ли является более прогрессивным представителем чиновников того времени, проблема личностного развития данного героя заключается в двойственности внутреннего мира данного героя: нежелании и неумении принимать реальную действительность, при этом предпочитая мир собственных беспочвенных фантазий. Таким образом, Лао Ли является отражением той части китайского народа, которая больше всего пострадала в переходный период, бесильный интеллигент, бесконечно переживающий вопрос идентичности, страдающий «депрессией» («苦闷病»), в сердце которого есть стремление к свету, но уже нет надежды: «*Всё погружено во мрак, ни малейшего проблеска*» [1, с. 208]. Лао Ли на протяжении всего романа обладает бесконечной двойственностью своих взглядов: герой ощущает противоречия между светской жизнью и духовными поисками, постоянно вступает в борьбу между традициями или современностью, разрывается между служением обществу и содержанием семьи. Несмотря на то, что роман носит название «Развод», читатель становится свидетелем абсурдности происходящего при наступлении развязки произведения, так как реализация желаемого «развода», проблематика которого проходила красной нитью через все повествование, не состоялась, что символизирует собой бесконечный и замыкающийся круг пороков национального характера того времени.

Таким образом, роман «Развод» в художественной форме выступает критикой китайской действительности периода 1920-1930-х гг., где желание внутренних и внешних изменений нации не могло в полной мере достичь апогея прогрессивности. Лао Шэ выражает критику восприятия брака как внешней традиции, необходимостью которого является лишь поверхностное создание семьи с последующим использованием наследников в качестве продолжения рода (Сючжэнь и Тянь-чжэнь). Героини романа (госпожа Чжан, госпожа Ли и младшая Ма) обладают традиционными благородными чертами, в силу своей благопристойности вынуждены мириться с внешним соблюдением ритуала, отчего не обретают в полной мере статус равного партнера.

В произведении мужские персонажи, помимо внутрисемейного статуса мужа, обладают внешне социальным представительством в качестве чиновников, где, к сожалению, реализуют себя посредством коррумпированности, желания установления необходимых выгодных связей, а также сохранения внешнего социального благополучия (Чжан Да-гэ, Сяо Чжао, господин У и господин Цю и др.). Трагизм в произведении Лао Шэ раскрывается через жизненный путь Лао Ли, попытки персонажа осознать своё собственное предназначение в стремительно развивающемся мире, который в то же время пребывает в состоянии стагнации ввиду невозможности развития внутреннего стержня и оказания помощи революционному движению из-за давления в виде семейного долга.

Библиографический список

1. Рождественская, Е. Развод / Е. Рождественская. – М.: Художественная литература, 1967. – 221 с.
2. Спешнев, Н.А. Китайцы: особенности национальной психологии / Н.А. Спешнев. – СПб.: КАРО, 2012. – 336 с.
3. Федоренко, Н.Т. Лао Шэ. Избранное / Н. Т. Федоренко. – М.: Радуга, 1982. – 512 с.
4. 老舍, 离婚 / 得间小说 [Электронный ресурс]. – URL: [http://www. idejian. com/book/11882450/3.html](http://www.idejian.com/book/11882450/3.html) (дата обращения: 10.11.23). (Лао Шэ, Развод / художественное издание [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.idejian.com/book/11882450/3.html> (дата обращения: 10.11.23).